
ИСТОРИЯ СИБИРИ В ЛИЦАХ

УДК 94(571.53)
ББК 63.3

С.А. ГУРУЛЁВ

К ИСТОРИИ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII ВЕКА)

Политика царского правительства в отношении Китая и других государств Востока в XVII в. была экспансионистской, что видно на примере текстов наказных памятей, выдаваемых Сибирским приказом в Москве сибирским воеводам. В духе этих правительственных установлений, а не по собственной инициативе, обращался нерчинский воевода Д.Д. Аршинский к богдыхану Китая с предложением быть «под высокой царской рукой».

Ключевые слова: политика, экспансия, воевода, царь, богдыхан.

S.A. GURULYOV

ON THE HISTORY OF THE INITIAL PERIOD OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS (SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY)

Tsarist government policy toward China and other countries of the East in the 17th century was expansionary, as this is illustrated by the texts of instructional remembrances, issued by the Siberian prikaz in Moscow to the Siberian governors. In the spirit of these government establishments, and not on its own initiative, the Nerchinsk governor D.D. Arshinsky appealed to the Chinese emperor with a proposal to be «under the Tsarist high hand».

Keywords: politics, expansion, governor, Tsar, Chinese emperor.

В 1670 г. нерчинский воевода Д.Д. Аршинский направил группу служилых людей во главе с казачьими десятниками И. Миловановым и В. Захаровым в Китай к богдыхану Сюань Е, правившему страной (1662–1722) от имени маньчжурской династии Цин под девизом Кан-си или Шэнцзу. Десятникам воевода выдал наказную память. В памяти указывалось, что необходимо сообщить китайскому богдыхану. Ознакомимся с начальными абзацами памяти (опуская в ряде мест царские титулы):

«Лета 7178 году апреля в 13 день. По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, указу и по приказу Данила Даниловича Аршинского память Нерчинским служилым людям десятником казачьим Игнатью Милованову, Василью Захарову, подьячему Василью Милованову, Онтону Хилеву, Григорью Кобякову, толмачу Офонасью Федорову. <...>

У великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... под его царьского величества и многих государств царя обладателя, под его царьского величества высокою рукою цари и короли и [с] своими государствами, а великий государь, их царское величество, жалует и держит их в своем царском милостивом призреньи. А он бы, богдокан, также поискал великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... его царьского величества милости и жалованья, и учинился под его царьского величества высокою рукою, а великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович... учнет богдокана жаловать и держать в своем царском милостивом призрении и от недругов ево в оборони и в защищении, и он бы, богдокан, однолично у него, великого государя, был под его царьского величества высокою рукою навеки неотступно, и дань бы великому государю давал, и великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... людем с их людьми в ево государстве и на обе стороны торговать повольною торговлею. И на чем он, богдокан, положит, с тем бы царьского величества посланцов отпустило безо всяково задержания и к великому государю, к его царьскому величеству, отписал, а буде у них грамот нет, и он бы, богдокан, и речью приказал» [9, с. 270–271].

Миссия И.М. Милованова и его товарищей была удачно завершена. Позднее, когда И.М. Милованов, А. Хилев и Г. Кобяков были в Москве, они в расспросных речах в Сибирском приказе подробно говорили о церемонии передачи документов китайской стороне:

«А после недели взяли их, Игнашку с товарищи, в приказ к бояром. А как они в приказ пришли, и в приказе сидит боярин да дьяк. И боярин де их спросил: с чем они к богдойскому царю приехали? И они, Игнашка с товарищи, сказали: по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, прислал их к богдойскому царю из Даур Данило Аршинской, а о каких делех, и о том дана им наказная память.

И боярин де велел им наказную память честь, и они де, Игнашка с товарищи, велели наказную память честь подьячему своему, а толмач сказывал, а богдойского царя дьяк писал. И как наказную память прочли и дьяк написал, и боярин де подлинную у них наказную за Даниловою печатью Аршинского взял. И они де, Игнашка с товарищи, говорили, чтоб наказную память им назад отдали. И боярин де им сказал: отдать де им наказные памяти нельзя, потому что де будет к великому государю от богдойского царя лист. И пошли с тою памятью и с своим письмом к богдойскому царю, а их, Игнашку с товарищи, послали с караульщиками по-прежнему на посольский двор. А у них де, Игнашки с товарищи, с той наказной памяти был список» [9, с. 284].

Как видно из списка с доезда и из объяснений казаков в Москве, И. Милованов добровольно отдал все посланные Д.Д. Аршинским доку-

менты в руки китайских чиновников для перевода. Подлинник наказной памяти нерчинского воеводы посланнику И.М. Милованову хранится в Центральном государственном архиве КНР (отдел Минской и Цинской династий). Он публиковался в 1919 г. в Лондоне, в 1936 г. — в Бэйпине (Китай). Русские историки, со ссылкой на публикацию 1936 г., иногда указывают, что «подлинник этой наказной памяти был насильно взят у И.М. Милованова китайскими чиновниками». В комментариях к документам В.С. Мясников утверждал, что наказная память была отнята у И.М. Милованова [9, с. 557]. Однако подобные утверждения противоречат тому, о чем говорили казаки.

В ответном листе на грамоту Д.Д. Аршинского китайский богдыхан Канси писал на имя русского царя в весьма сдержанных выражениях:

«По твоему великого государя указу присыланы были ко мне из Нерчинского острогу от Данила Аршинского послы нерчинские служилые люди Игнатей Милованов с товарищи, чтобы нам с тобою, великим государем, посольство сводить, и с торгами к вам и к нам ездили безо всякие помешки безпрестанно. А надежно, буде с коих земель сторонних под нерчинские остроги и к нам каких воинских людей, и нам друг другу помогать. А для ради де Гантемира Данило Аршинский к тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, писал в отписке.

Да были мои промышленные люди на Шилке реке для соболиного промыслу, а приехав, те мои промышленные люди сказали мне: по Шилке де реке в Олбазинском живут руские небольшие люди Микифорко Черниговской с служилыми людьми, и воют де наших украинских людей даур и чючар. И я, богдакан, хотел послать на русских людей войною. И мне сказали, что живут твои великого государя люди. И я воевать не велел. И послал я своих людей проведывать, впрямь ли в Нерчинском остроге живут твои великого государя люди? И воевода из Нерчинского острогу по твоему великого государя указу Данило Аршинской присылал ко мне послов и письмо. И я ныне узнал, что впрямь в Нерчинском остроге воевода и служилые люди живут по твоему великого государя указу. И впредь бы наших украинских земель людей не воевали и худа б никакого не чинили. А что на этом слове положено, станем жить в миру и в радости» [9, с. 276].

В русских публикациях по поводу обращения нерчинского воеводы Д.Д. Аршинского непосредственно к китайскому богдыхану, минуя якобы центральные московские власти, сложилось мнение как о необычном явлении, нарушавшем дипломатические каноны. В 1969 г. историк В.С. Мясников во введении, предпосланном 1-му тому «Русско-китайские отношения в XVII веке», определил наказную память нерчинского воеводы, выданную И. Милованову, следующим образом: «Наказная память Д.Д. Аршинского, данная И. Милованову с товарищами, является уни-

кальным в своем роде документом. Нерчинский воевода предложил цинскому императору, привыкшему рассматривать весь окружающий мир, в том числе и Россию, как вассалов, присылающих ему дань, вступить в русское подданство! <...> Неизвестно, узнал ли император Шэнцзу от своих приближенных смысл наказа, данного Д.Д. Аршинским казакам, но приняты русские посланцы были исключительно пышно. Император удостоил их аудиенции, во время которой поинтересовался лишь возрастом каждого, а затем, молча, целый час рассматривал русских» [6, с. 5–28].

В комментариях к доезду И.М. Милованова историк писал о сокрытии китайскими чиновниками от императора основного смысла наказной памяти нерчинского воеводы — о подданстве: «Все исследователи (? — С. Г.) истории русско-китайских отношений считают, что столь благоприятный прием, оказанный в Пекине Милованову и его товарищам, следуют объяснить тем, что министры (шаншу) Лифаньюаня (ведомства, отвечающего и за отношения с Россией. — С. Г.), принимавшие послов, скрыли от императора Шэнцзу... смысл отнятой у Милованова наказной памяти» [9, с. 557].

Мнение В.С. Мясникова излагалось в последующем во многих публикациях, связанных с деятельностью Д.Д. Аршинского, излагается и ныне [1; 2, с. 27; 5, с. 407; 10, с. 210]. Позднее В.С. Мясников повторил свою оценку факта отправления Д.Д. Аршинским обращения к китайскому императору перейти в российское подданство: «Хотя Д.Д. Аршинский понимал, что, действуя без указаний Москвы, он рискует карьерой, но у него не было времени для доклада и ожидания санкций правительства. ...Д.Д. Аршинский направил в Китай через Маньчжурию свою миссию во главе с казачьим десятником И. Миловановым и В. Захаровым. В ее задачу входило доставить и вручить цинскому императору памятку воеводы, в которой Канси предлагалось принять русское подданство и стать данником русского царя. Замысел воеводы был очень дерзким. Если бы это предложение было доложено императору маньчжурскими дипломатами, то оно несомненно вызвало бы серьезные осложнения в русско-китайских отношениях, может быть даже открытое вторжение маньчжуров в пределы русских владений на Амуре. Но этого не произошло. Очевидно, цинские дипломаты Мала и Монготу, искажив смысл послания русского воеводы, доложили Канси о «покорности» Д.Д. Аршинского цинскому двору» [4, с. 150–151]. И еще позднее В.С. Мясников повторил свою позицию: «Удивительно другое: Аршинский наказывал своим посланцам предложить маньчжурскому императору, привыкшему взирать на весь окружающий мир как на своих потенциальных подданных, ни больше ни меньше как «навечно неотступно» вступить в русское подданство и давать дань московскому царю!» [7, с. 284].

Д.Д. Аршинского никто не смещал с должности воеводы. Он ушел в отставку по собственной челобитной, и не в 1670 г., как обычно пишут, а в

1673. Никто не ставил в вину ему его обращение к богдыхану. Утверждение В.С. Мясникова о том, что китайскому императору не была доложена суть письма нерчинского воеводы, основано лишь на предположениях, чтобы оправдать «уникальность» и «дерзость» обращения воеводы. Это голословное утверждение историка противоречит тому, что писалось об Д.Д. Аршинском в конце XIX в.: «...Аршинский был вызван, 3-го октября 1673 г. в Москву, где за «усердную его даурскую службу» награжден царем серебряным ковшом с надписью и сорока соболями» [8, с. 120].

Обращение Д.Д. Аршинского к китайскому богдыхану полностью укладывалось в русло политики, проводимой Москвой в отношении Китая и ханств Монголии и Маньчжурии. Обратимся к фактам, характеризующим эту агрессивную и экспансионистскую политику. В том же томе документов по русско-китайским взаимоотношениям, по которым историк В.С. Мясников писал вышеуказанное введение, опубликована наказная память, выданная якутским воеводой Д.А. Францбековым и дьяком О. Степановым в 1950 г. приказному человеку Е.П. Хабарову, отправленному в Даурию. В памяти писалось: «И Ерофею и ко князю Богдаю посылать посланников. А велеть им говорить, чтоб князь Богдай с родом своим и с племенем и со всеми улусными людьми был под государевою нашего царя и великого князя Алексея Михайловича вся Русии высокою рукою в холопстве, потому что государь наш страшен и велик, и многим государствам государь и обладатель, и от его государскаго ратного бою никто не мог стоять. А про их землю государю нашему было неизвестно, а ныне ему, государю, ведомо учинилось, велел послать своих государевых ратных людей не для бою, для того что велел им говорить, чтоб он себя не разорял и бою бы с его государьими людьми не чинили, потому что многих государств государи живут при его государеве милости в холопстве, в тишине и благоденстве, и ему, государю, служат, и дань дают. И он бы, Богдай, потому ж с себя и своих людей государю дань давал златом и серебром и драгим камнем и узорочными. И будет князь Богдай с родом своим и со всеми оными улусными людьми под его государевою царевою и великого князя Алексея Михайловича вся Русии высокою рукою будут послушны и покорны, дань и ясак с себя и рода своего и со всеми улусными людьми по вся годы учнут платить, и им, князь Богдаю со всеми своими улусными людьми, жить на прежних своих городах без боязни, велит государь их оберегать своим государевым ратным людям. И того князя Богдая с родом своим и с племенем и с его улусными людьми по их вере привести к шерти на том, чтоб бытии со всем своим родом и улусными людьми под государевою царевою и великого князя Алексея Михайловича вся Русии высокою рукою навеки неотступно в прямом холопстве.

А будет князь Богдай с родом своим и племенем и улусными своими людьми учинятся да непослушны и непокорны и государева ясака и аманатов давать не учнут, и ему Ярофею, с товарищи, служилыми и

промышленными людьми, безвестным и тайным обычаем смирить их ратным боем. И как бог помощи подаст и будет под государевою высокою рукою, и с него, Богдая, имать дань или ясак...» [9, с. 126–127].

Такие же предложения о холопстве и, в случае непослушания, об угрозе разорения ратным боем содержатся в грамоте Д.А. Францбекова и О. Степанова непосредственно князю Богдаю, а в наказной памяти Е.П. Хабарова также князьям Лавкаю, Шильгенею, Гильдигею [9, с. 127].

Политика предложений перейти в подданство России и выплачивать дань продолжалась и в последующем. Достаточно познакомиться с наказной памятью, выданной первому нерчинскому воеводе А.Ф. Пашкову Сибирским приказом не ранее 12 декабря 1654 г. В наказной памяти говорилось: «Прислан он, Афонасей, от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, от его царьского величества и многих государств государя и обладателя, на великую реку Шилку, а к ним, богдойскому Андри-кану и никанскому царям, велено ему, Афонасью, послать царьского величества посланников и ведомо им, богдойскому Андри-кану и никанскому царям, учинить, что у великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и многих государств государя и обладателя, под ево, царьского величества, высокою рукою цари и короли с своими государствами, а великий государь, ево царьское величество, жалует, держит их в своем царском милостивом призренье. И они б, богдойской Андри-кан и никанский цари, так же поискали великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, его царьского величества, милости и жалованья, учинились под ево, царьского величества, высокою рукою, и дань ему, великому государю, давали, а великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержец и многих государств государь и обладатель, учнет их, царей, жаловать и держать в своем царском милостивом призренье и от недругов их во оборони и в защите. И они б, богдойской Андри-кан и никанский цари, однолично у него, великого государя, были под его, царьского величества, высокою рукою навеки неотступны, и царьского величества посланцов, которых он, Афонасей, к ним от себя пошлет, отпустили к нему, Афонасью, безо всякого задержанья; и к великому государю, к его царьскому величеству, на чем они под ево государевою царскою высокою рукою учинятца, отписали с теми посланцы, а будет у них грамот нет, и они б о том речью приказали» [9, с. 201–202]. А.Ф. Пашков не смог осуществить заранее предусмотренное Сибирским приказом намерение послать посланников и обратиться к правителям Богдойской и Никанской земель с предложением о подданстве. В 1658 г. он сообщал в Москву о невозможности сделать это по причине отсутствия толмача [9, с. 236].

Наказная память Д.Д. Аршинского И.М. Милованову в содержательной части полностью, слово в слово, повторяет тексты наказной памяти А.Ф. Пашкова; изменилась лишь титулатура адресатов, вместо богдойского и никанского царей теперь стоит одно лицо — богдокан (китайский император — богдыхан). То, что должны были и не смогли осуществить якутский воевода Д.А. Францбеков и нерчинский воевода А.Ф. Пашков, осуществил Д.Д. Аршинский. Руководствовался он при этом, скорее всего, своей наказной памятью на воеводство, которая, к сожалению, не сохранилась [3, с. 147]. Он мог ориентироваться как на свою наказную память, а она непременно должна была быть при нем, так и на наказные памяти его предшественников — А.Ф. Пашкова и Л.Б. Толбузина, хранившиеся, возможно, в копиях в Нерчинской приказной избе.

Нельзя не заметить отличий в текстах грамот Д.А. Францбекова и А.Ф. Пашкова. Ранее Д.А. Францбеков выполнял дипломатические поручения, устанавливая связи России со Швецией (он по происхождению был ливонским немцем с фамилией Фарсисбах, принявшим православие [11, с. 36]), грамота князю Богдою составлена в выражениях, далеких от дипломатии, и с прямыми угрозами, о чем может говорить лишь один фрагмент этой грамоты: «А будет ты, князь Богдай, не учнешь под ево государевою царевою и великого князя Алексея Михаловича всеа Руси высокою рукою в вечном холопстве быть, ... тебя, князя Богдая, за твое непослушание велит государь разорить, и город твой взять на себя, государя, и тебя, князя Богдая, и иных князей и всех вас и жен и детей без остатка...» [9, с. 129]. Конечно, без ведома царя и Сибирского приказа Д.А. Францбеков вряд ли отважился бы на рассылку подобных грамот и на столь откровенные угрозы, выраженные в них. В отличие от грамоты Д.А. Францбекова наказная память А.Ф. Пашкову (и, надо полагать, Д.Д. Аршинскому) составлена в значительно смягченных выражениях, со значительными оговорками, без прямых угроз. Здесь явно чувствуется направляющая рука дьяков Сибирского приказа. Все это наводит на мысль, что якутский воевода Д.А. Францбеков рассылал грамоты с предложениями о подданстве на основании устных приказов и разъяснений Сибирского приказа, в то время как нерчинские воеводы имели уже строгие предписания по этому вопросу.

В ответной грамоте Канси на грамоту Д.Д. Аршинского вопрос о подданстве даже не упомянут, обойден молчанием. В.С. Мясников видит в этом уловки маньчжурских чиновников, побоявшихся, якобы, полностью перевести текст грамоты нерчинского воеводы для императора в той его части, где речь идет о подданстве. Однако подобная оценка вряд ли заслуживает внимания, хотя бы из-за той степени риска, на которую могли отважиться китайские придворные чиновники. Канси, хотя и был молодым императором, тем не менее понимал, что нельзя вступить в

противоборство с малоизвестным противником. Его удерживали также события на юге Китая, где маньчжуры не могли сломить сопротивление многочисленных провинций, каждой из которых управлял свой император. К тому же земли Амура, из-за которых могло идти противоборство двух держав, населяли племена, причислявшиеся всегда Китаем к варварам, жившим за пределами империи.

Имя Д.Д. Аршинского упоминалось в 1675 г. при переговорах Н.Г. Спафария с китайскими чиновниками. Китайская сторона требовала возвращения эвенкийского князя Гантимура, а нерчинский воевода в наказной памяти И.М. Милованову не упоминал о князе вообще. Н.Г. Спафарий объяснял эту ситуацию китайским чиновникам следующим образом: «И великий государь на него (Д.Д. Аршинского. — С. Г.) зело гневался для того, что он без указа великого государя с таким великим государем пословался и лист принел, а людей, которые язык разумели китайского, от вас не просил послать к великому государю, а в листу неведомо что писано, пристойно ли государские чести или нет?» [9, с. 505]. Это упоминание Н.Г. Спафария о гневе русского царя на Д.Д. Аршинского В.С. Мясников определяет как опалу бывшего нерчинского воеводы [7, с. 307], однако подобное определение неправомерно, ибо опала в XVII в. на Руси предполагала лишение чинов, конфискацию имущества и ссылку, чего в отношении Д.Д. Аршинского не делалось. В описании Н.Г. Спафария высказан гнев царя на Д.Д. Аршинского в связи с его переговорами, «послованием» в Нерчинске с китайским чиновником Монготу, приехавшим вместе с И.М. Миловановым, но оставшимся на территории Китая (в Науне), и его принятием адресованной царю грамоты богдыхана, а вовсе не с посланием грамоты китайскому императору с предложением о подданстве, которое, как видим, было в русле проводимой экспансионистской политики Российской империи.

Экспансионистская политика самого раннего этапа российско-китайских отношений, проводимая как Россией, так и Китаем, в 70-х гг. XVII в. сменилась политикой мирных установлений, налаживанием дипломатических и торговых взаимоотношений. Это выразилось со стороны России направлением в Китай посольства Н.Г. Спафария. Россию к такому решению подталкивала неблагоприятная обстановка на некогда завоеванных землях Восточной Сибири. Д.Д. Аршинский в бытность нерчинским воеводой неоднократно обращался в Сибирский приказ о недостаточности войск и вооружения на случай военных действий. Монгольские ханы требовали возвращения земель по Ангаре. Буряты, находившиеся в даннической зависимости от монголов, неоднократно пытались осадить Иркутск, подходили к Балаганску. Красноярский острог находился под постоянной угрозой набегов со стороны киргизов.

И, конечно, венцом мирных устремлений России в XVII в. явилось посольство Ф.А. Головина. Выдержав осаду монгольских войск в Се-

ленгинске, российский посол постепенно склонил монгольских (и бурятских) ханов и тайш к подписанию мирных соглашений и к вхождению их в российское подданство. Начавшаяся в 1689 г. Нерчинская конференция российской и китайской делегаций, несмотря на присутствие войск с обеих сторон и их демонстраций, завершилась подписанием Нерчинского договора. По договору Россия пошла на значительные уступки: ликвидировала Албазинский острог, уступила земли по правобережью Амура, перенесла Аргунский острог с правого берега на левый. Мирная политика надолго закрепила мир на дальних восточных рубежах России.

Список использованной литературы и источников

1. Аршинский Даниил Данилович [Электронный ресурс] // URL : http://ostrog.iscozm.ru/pervoprohodcy/0_25.htm.
2. Дамдинов Д. Г. О предках Гантимуровых (титулованных князьях и дворянах по московскому списку) / Д. Г. Дамдинов. — Улан-Удэ, 1996. — 86 с.
3. Красноштанов Г. Б. Никифор Романов Черниговский. Документальное повествование / Г. Б. Красноштанов. — Иркутск : АЭМ «Тальцы», 2008. — 378 с.
4. История Северо-Восточного Китая XVII-XX вв. — Кн. 1-я. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII — начало XX вв.). — Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1987. — 422 с.
5. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685-1691. Сборник документов. — М. : Восточная литература РАН, 2000. — 488 с.
6. Мясников В. С. Становление связей Русского государства с Китаем / В. С. Мясников // Русско-китайские отношения в XVII веке. — Том I. 1608–1683. — М. : Наука, 1969. — 613 с.
7. Мясников В.С. Квадратура китайского круга. Избранные статьи / В. С. Мясников. — Кн. 1. — М. : «Восточная литература» РАН, 2006. — 550 с.
8. Русский биографический словарь. — Том II. — СПб., 1896. — 799 с.
9. Русско-китайские отношения в XVII веке. — Том I. 1608–1683. — М. : Наука, 1969. — 613 с.
10. Филь С. Г. Казаки «Литовского списка» в Сибири XVI — начала XVIII столетий / С. Г. Филь // Тобольск и вся Сибирь. Сибирское казачье войско. — Тобольск, 2011. — 596 с.
11. Якутия. Хроника, факты, события. 1632–1917. — 2-е изд., доп. / сост. А. А. Калашников.– Якутск : Бичиг, 2002. — 496 с.

Информация об авторе

Гурулев Станислав Андреевич — кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник, почетный член общества «Родословие», 664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 253, e-mail: gurstan@rambler.ru.

Author

Gurulyov Stanislav Andreevich — PhD in Geological and Mineralogical Sciences, Senior Researcher, Honorary Member of the Society «Rodoslovie», 253, Lermontov Str., 664033, Irkutsk, e-mail: gurstan@rambler.ru.